

30.01.04

Газета — 2004 — 30 января — с. 7, 12

“вся семья работала на него”

Гия Абуладзе — Газете

Сын Тенгиза Абуладзе, архитектор Гия Абуладзе, рассказал о своем отце в интервью Марии Терещенко.

Гия, принимали ли вы участие в работе отца?
Изредка. Мое участие началось, когда появилась Нана (Джанелидзе, соавтор сценария к фильму «Покаяние». — *Газета*). Когда писался сценарий к «Покаянию». То есть я не могу сказать, что я принимал участие в написании сценария. Просто Нана писала, а я как-то косвенно в этом участвовал. А так, мы жили недалеко от киностудии, и после съемок, после озвучания, во время монтажного периода всегда они приходили к нам домой. Это было такое сборище его друзей и нашей семьи. И там обсуждали разные вопросы. Он был очень жесток в принятии решений, но до принятия решения он очень много консультировался и много вариантов пробовал.

Вся семья работала на него. У него в доме забот не было никогда. Он не знал даже, сколько стоит хлеб. Он понятия не имел, какие цены на базаре или что сегодня в моде. В житейско-бытовом плане он ничего не знал. И это его не касалось. Все его поддерживали — и теща, и дети, и в первую очередь жена. Он же в жизнь семьи вообще не вмешивался. Единственное, что его раздражало и чего он не выносил категорически, это был телевизор. Было жесткое отношение к этому. Он сам не смотрел телевизор и считал это пустой тратой времени. И он не понимал тех режиссеров, которые давали выпускать свои фильмы по телевизору.

А на съемки вы ездили?
Да, да. Это было очень интересно. Тенгиз на съемках всегда всех о чем-то спрашивал. Когда набиралась группа, все члены этой группы считали себя очень связанными и ответственными за какие-то решения, даже шоферы — и у них он спрашивал совета. И уж тем более когда это сын... Я был, например, в экспедиции, когда снималась «Мольба», когда Антипенко снимал этот фильм. Мы с Тенгизом и Сашей Антипенко жили в одной палатке в горах в селении Шатль. В этой экспедиции я был совсем молодым, в восьмом классе, по-моему. Это было очень интересно. И не только группа, все селение, даже весь регион жил этим делом.

А в вашем раннем детстве много ли он проводил с вами времени?
Он не был таким человеком, который со своими сыновьями или близкими ходит в кино, или в цирк, или гулять. Такого не было. И у него самого не было увлечений. Он начал строить дачу — это был единственный раз, когда он увлекся чем-то, кроме работы. Основным для него были фильмы. И я хорошо помню его тяжелые депрессивные состояния между фильмами.
Он был строгим отцом?
Очень. Я был с ним на «вы». Таких отношений, как у маленького ребенка с отцом, у нас не было. У нас с раннего моего детства были мужские отношения. Я был маленьким, и он обсуждал со мной довольно серьезные вопросы.

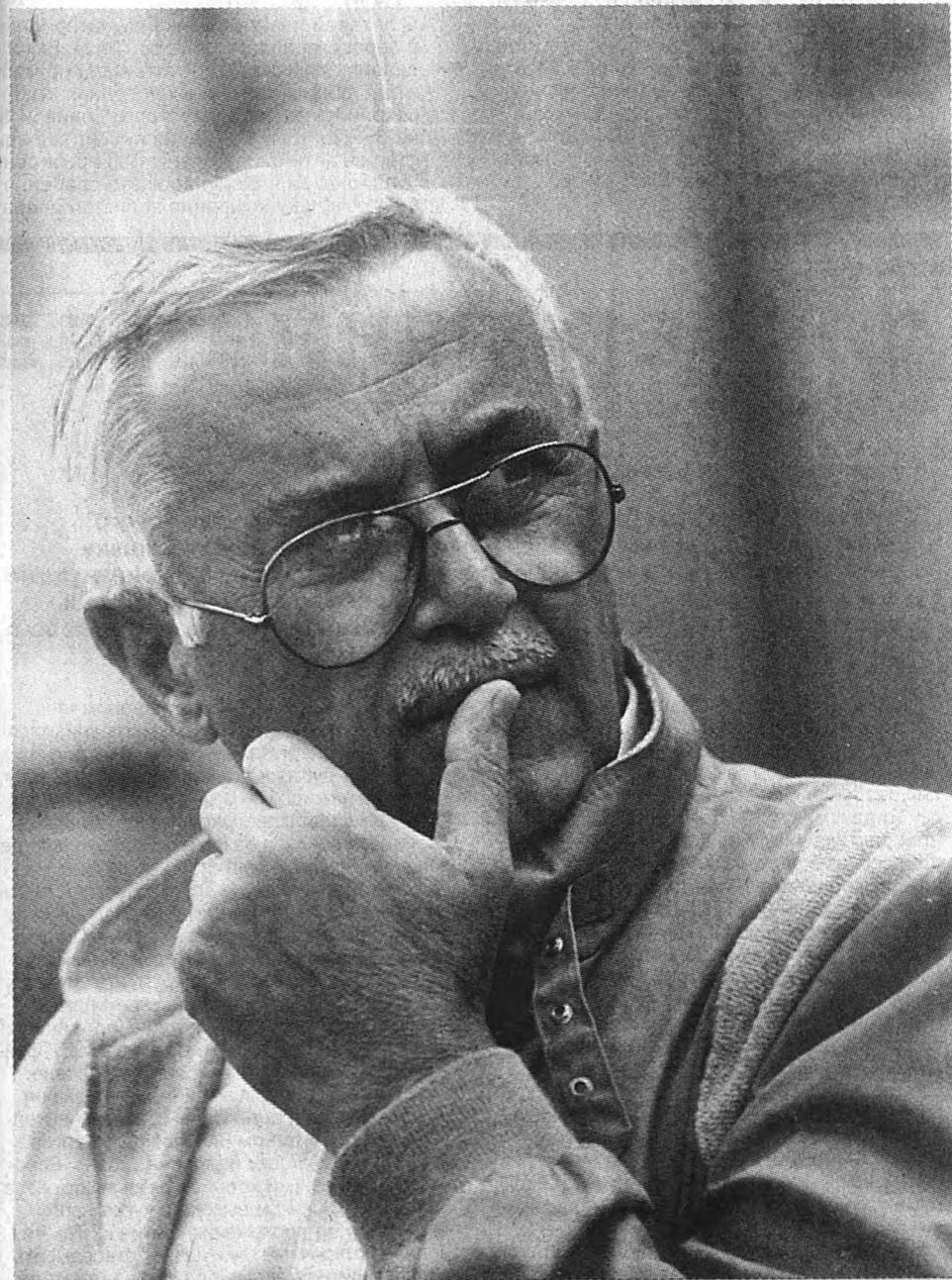
То есть он мало интересовался вашей жизнью?
Нет. Интересовался и волновался, но делал это часто незаметно. Например, когда я закончил архитектурный институт и начал работу у знаменитого у нас архитектора Шота Каллашвили. А в это время открылся у нас, в Тбилиси, при театральном институте кинофакультет. И Тенгиз набирал себе группу. Первую группу, в которую попала потом и Нана. И случилось так, что не только Тенгиз, но и вся семья меня очень агитировала, чтобы я тоже пошел по этому пути, чтобы я шел в кино. У меня были другие планы, в общем, я отказывался. И Тенгиз пошел к Шота и сказал: «Я вот хочу перевести его в кино, а каково будет ваше мнение?» И Шота сказал, что не стоит этого делать. Лучше, говорит, чтобы он стал ар-

хитектором. Они поспорили на эту тему. И Тенгиз сказал: «Давай ты агитируй насчет архитектуры, а я буду насчет кино. А кто выиграет, потом, говорит, посмотрим». Но самое главное, что я об этом не знал. Я об этом узнал спустя двадцать лет после смерти отца. Это мне рассказал Шота: я, говорит, тогда пари выиграл. Они, видно, долго тогда об этом разговаривали и спорили.
Или другой пример: когда мы с Наной решили пожениться, я пришел к нему. Он был на киностудии. Мы с Наной сидели в машине. Он увидел нас в машине: я сидел за рулем и Нана рядом со мной. Я даже не успел ничего сказать. Он сказал: «О, все понятно, на тебе сто рублей». Я думал, что он в неведении, что ничего не знает. А оказывается, он все знал.

газета

призвавший к «Покаянию»

Тенгиз Абуладзе учился в Государственном театральном институте в Тбилиси, окончил ВГИК (мастерскую Льва Кулешова), работал на студии «Грузия-фильм». Уже одна из первых его картин, трогательная в своей простоте «Лурджа Магданы», поставленная вместе с режиссером Резо Чхеидзе, получила международное признание. В ранних лентах Абуладзе («Чужие дети», 1958, «Я, бабушка, Илико и Илларион», 1962) угадывалась близость традициям итальянского неореализма — с привнесением грузинской самобытности, неповторимого юмора, а также поэтические мотивы сочетались с документально точным воспроизведением деревенской жизни. В 1967 году фильмом «Мольба» открывается знаменитая притчевая трилогия, которую постановщик продолжит «Древом желаний» (1977) и «Покаянием» (1984—1987). Последний фильм, удостоенный Гран-при Каннского фестиваля, «Ники» и множества других наград, стал символом перестройки и имел оглушительный успех в советском прокате. Развенчание культа личности, мифологический масштаб аллегории, вопросы о «дороге к храму» переключали из фильма на уровень общественно-политических и философских дискуссий. Тенгиз Абуладзе скончался в Тбилиси в 1994 году.

1983 год, во время съемок последнего фильма — «Покаяние»

ddimage.ru